

Не самый мягкий матрас прогибался под весом двоих тел. Лян Чэн обнимал Цяо Юаньлиня. Очертания этого тела теперь немного отличались от шестнадцатилетнего юноши, но сердце в груди билось все так же глухо и часто.

— Брат, — тихо выдохнул Цяо Юаньлинь.

— М-м, — негромко отозвался Лян Чэн.

Затем все стихло. Цяо Юаньлинь прижимался к его груди, время от времени невольно вздрагивая; жар утихал, невыносимое томление рассеивалось, а его тело и душа искренне откликались на происходящее.

Дрожа от щемящей нежности и стыда, он не решался издать ни звука, но слезы продолжали литься. Уткнувшись в изгиб его плеча, он прерывисто звал его по имени: «Брат... Лян Чэн...» — словно от этого зависела его жизнь.

Внезапно Цяо Юаньлинь поднял лицо. Следы от слез и лихорадочный румянец смотрелись на нем как нелепый грим; он выглядел таким невинным, но его вопрос ранил в самое сердце:

— Уже за полночь?

Лян Чэн посмотрел на него сверху вниз, подавляя бурю эмоций:

— Почти.

Цяо Юаньлинь взволнованно произнес:

— Ты... ты еще не подарил мне подарок на день рождения.

Лян Чэну безумно хотелось проучить этого несносного мальчишку. Сначала тот избегал его, умышленно пошел в этот день на свидание с кем-то другим, да еще и раструбил об этом, а теперь, обессиленный, превратился в мягкую глину, бесстыдно извиваясь под его ладонями, и требует подарок?

Он намеренно остановился и спросил:

— Мне пойти за подарком или продолжить ублажать тебя?

Опьяненный Цяо Юаньлинь растерянно замер. Выбрать было слишком трудно, в своей жадности он хотел всего и сразу.

Он медленно поднял руки и обнял Лян Чэна за шею. То ли подчиняясь моменту, то ли вымещая старые обиды, он со слезами прошептал:

— Лян Чэн, не мучай меня больше...

Цяо Юаньлинь проснулся от невыносимой жажды. Горло горело огнем. На прикроватной тумбочке заботливо стоял стакан воды. Кое-как приподнявшись, он схватил его и жадно, большими глотками, выпил почти все.

Опухшие глаза постепенно сфокусировались. Рядом со стаканом лежала пачка влажных дезинфицирующих салфеток и тюбик лосьона для тела. За огромным панорамным окном расстилалось высокое небо и сияло яркое солнце. Опустив взгляд, он увидел на полу свои футболку и белые трусы.

Влажные и измятые — приличному человеку на такое было бы стыдно смотреть.

Цяо Юаньлинь приподнял край одеяла и заглянул под него. На нем была просторная темно-серая майка, а ниже пояса — абсолютно ничего. Он поспешно накрылся обратно и рухнул на подушку. В этот момент на его запястье что-то чисто и звонко звякнуло.

Подняв руку, он уставился на повязанный вокруг запястья бронзовый колокольчик на шнурке. Воспоминания медленно возвращались...

Прошлой ночью он требовал подарок на день рождения. Лян Чэн достал этот плетеный браслет, надел ему на руку и ласкал его снова и снова, пока Цяо Юаньлинь цеплялся за его плечи в непрекращающейся дрожи, а колокольчик звенел без умолку.

По мере того как действие препарата выветривалось, хмель тоже отступал. Цяо Юаньлинь постепенно восстановил в памяти всю хронологию событий и теперь лежал на кровати с чувством полнейшей безысходности.

Это был дом Лян Чэна. Они не спали вместе, но то, что произошло, по степени безумия ничуть не уступало полноценной близости.

Щелкнул замок, дверь открылась, и вошел Лян Чэн — с голым торсом, в одних темно-серых пижамных штанах под цвет майки Цяо Юаньлиня. Он остановился у изножья кровати и ровным голосом произнес:

— Проснулся?

Цяо Юаньлинь не мог отвести глаз от рельефных, подтянутых мышц Лян Чэна и едва заметного шрама под ребрами.

Густо покраснев, он пробормотал:

— Насчет вчерашнего...

Лян Чэн поднял банное полотенце, бросил ему на голову и скомандовал:

— Сначала в душ.

Цяо Юаньлинь попытался подняться, но едва выпрямил спину, как невольно охнул. Он не мог понять, что это за чувство — все тело ломило от слабости. Он всерьез заподозрил, что растратил все здоровье еще в молодости.

В ванной комнате его ждала наполненная горячей водой ванна. На полочке в ряд были выстроены туалетное мыло, дегтярное мыло, гель для душа и даже кусок серного мыла. Цяо Юаньлинь подумал: «Неужели я настолько грязный?»

Выйдя после мытья в банном халате, он обнаружил, что постельное белье в спальне полностью сменили. Он прошел в гостиную и заметил на диване тонкий плед и подушку. Неужели Лян Чэн спал здесь?

Из кухни доносились голоса. Цяо Юаньлинь подошел и остановился в дверях. Лян Чэн уже переоделся в повседневную одежду. Он разговаривал по телефону с коллегой из отделения диетологии, попутно разбивая в миску два яйца.

Повесив трубку, Лян Чэн скользнул по нему быстрым взглядом.

Цяо Юаньлинь чувствовал себя виноватым, сгорая от стыда и неловкости. Заметив, что Лян Чэн не в духе, он попытался завязать разговор ни о чем:

— Ты купил эту квартиру? Ремонт очень красивый.

Лян Чэн проигнорировал его.

Тогда он спросил снова:

— Здесь так высоко, ветер сильно шумит по ночам?

Лян Чэн упорно молчал, пока не приготовился яичный пудинг.

Стоило мужчине растратить силы, как он тут же робел. Цяо Юаньлинь, словно нашкодивший перепел, сжался за обеденным столом, боясь даже вздохнуть. Уткнувшись в тарелку, он хотел похвалить еду, чтобы разрядить обстановку, но побоялся, что его лесть окажется некстати.

Спустя какое-то время он выудил из яичного пудинга самую крупную креветку и переложил ее в тарелку Лян Чэна.

Мысленно он произнес: «Вчера тебе пришлось нелегко».

Внезапно завибрировал телефон. На экране высветилось имя Лэй Цзюньмина, а заряд батареи в верхнем углу показывал всего три процента. Лян Чэн подцепил палочками креветку и наконец заговорил:

— Зарядка в спальне.

Цяо Юаньлинь все еще злился на Лэй Цзюньмина за то, что тот не пришел на встречу, поэтому просто сбросил вызов.

Лян Чэн съел креветку, тщательно пережевывая ее и произнес:

— Чтобы это было в последний раз.

Цяо Юаньлиню следовало послушно кивнуть, но Лян Чэн так давно не разговаривал с ним столь холодным и резким тоном, что он невольно попытался оправдаться:

— Мне просто было любопытно, какой на вкус коктейль, вот я и сделал пару глотков.

— А если тебе станет любопытно, как выглядит тюрьма изнутри, ты пойдешь кого-нибудь убьешь?

Лян Чэн был взрослым, здравомыслящим человеком и к тому же врачом. Прошлой ночью он сумел подавить вспыхнувшее желание и не опустился до того, чтобы воспользоваться ситуацией ради грязных утех.

Теперь они оба протрезвели. И сердись Цяо Юаньлинь или спорь, Лян Чэн обязан был прояснить всю серьезность его поступка:

— За один месяц ты напился дважды. Даже далекий от медицины человек понимает, что алкоголь вреден, а у тебя больное сердце, и ты все равно пьешь? Ты вообще думал о последствиях?

— Но именно потому, что я болен, мне никогда ничего нельзя было пробовать, поэтому я... — попытался оправдаться Цяо Юаньлинь.

— Если бы ты действительно хотел попробовать, нашелся бы миллион безопасных способов, — отрезал Лян Чэн. — А ты пошел в бар и пил то, что тебе наливали незнакомцы. Цяо Юаньлинь, у тебя что, болезнь с сердца на мозг перекинулась?

«Зачем переходить на личности?» — обиделся Цяо Юаньлинь и возразил:

— То, что случилось вчера, — редчайшая случайность.

— Редчайшая случайность, когда она происходит, называется несчастным случаем, — произнес Лян Чэн. — И после нее исправлять что-либо уже поздно. Ты думал, что идешь развлечься, а сам не заметил, как превратился в дичь для чужой охоты.

Цяо Юаньлинь продолжал упрямыться:

— Но ведь ничего не случилось.

Лян Чэн с глухим стуком опустил фарфоровую ложку в пиалу, словно судейский молоток.

— А если бы случилось? — спросил он. — Что, если бы тот незнакомец увез тебя, затащил в отель, изнасиловал, избил? Ему было бы плевать на твою боль. Ты бы пострадал, подхватил какую-нибудь заразу, а если бы приступ случился прямо там? Сегодня я бы не готовил тебе завтрак, а принимал в реанимации.

Цяо Юаньлинь приоткрыл рот:

— Я...

— Я, блять, до сих пор в холодном поту просыпаюсь от страха! — сорвался Лян Чэн. — Ты можешь хоть немного думать головой?!

Цяо Юаньлинь совсем растерялся под этим градом упреков. Все-таки ему уже перевалило за двадцать, и выслушивать такое было унижительно. Смешивая искреннее раскаяние с обидой, он буркнул:

— Я все понял. Я иду домой, подумаю над своим поведением.

С этими словами он направился в спальню собирать вещи. Мысли путались, и по ошибке он забрел в кабинет по соседству.

Комната была небольшой. Огромный, до самого потолка книжный шкаф занимал всю стену — совсем не то, что в прежние времена, когда им приходилось делить один письменный стол на двоих. На одной из полок прямо посередине вместо книг сидела мягкая кукла.

Цяо Юаньлинь подошел ближе. У куклы были голубые стеклянные глаза. Старая, старомодного фасона. Он замер перед полкой, услышав, как сзади вошел Лян Чэн.

Оказывается, тот ничего не забыл. Он помнил все до единого слова:

— Что это? Ненужный ребенок, которого никто не любит, или просто подобранный на помойке мусор?

Лян Чэн ответил:

— Это подарок на день рождения, который я тебе задолжал.

Браслет с колокольчиком был лишь предлогом, а это — настоящий подарок. Дыхание Цяо Юаньлиня сбилось, он спросил:

— Почему ты не подарил его мне восемь лет назад?

Лян Чэн сжал кулаки. Потому что тогда на его руках была кровь, он совершил убийство, и всё, что ему принадлежало, казалось ему грязным.

Теперь эти руки приносили только спасение. Наконец он мог без всяких сомнений открыть шкаф и достать куклу. Вот только он не был уверен:

— Она тебе еще нужна?

Цяо Юаньлинь выхватил ее из рук Лян Чэна. Помня старые обиды, он колко ответил:

— За столько лет она наверняка покрылась бактериями. Заберу домой и продезинфицирую.

Он направился к выходу, но когда проходил мимо Лян Чэна, тот перехватил его за предплечье. От этого прикосновения в голове Цяо Юаньлиня вспыхнули смутные, липкие воспоминания прошлой ночи. Лицо его вспыхнуло:

— Мне правда пора домой... Увидимся в другой раз.

— Так и пойдешь с голым задом? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь совсем забыл, что на нем не было белья, и внизу неприятно сквозило. Лян Чэн одолжил ему свои вещи. Переодевшись, Цяо Юаньлинь забрал куклу и направился к выходу. У самой двери Лян Чэн сунул ему в руку манговое мороженое на палочке.

Цвет у него был... уж очень двусмысленный.

После этого случая Цяо Юаньлинь действительно притих. Дома он беспрекословно слушался родителей, на работе — начальство. Цяо Вэньюань даже решил, что обычное расстройство желудка каким-то чудом полностью изменило характер его сына.

Но хотя он и вел себя послушно, в глубине души он все равно считал случившееся той ночью единственным случаем.

<http://bllate.org/book/18284/1753077>